

Получив от Чжэн Иня сообщение о номинации, Лян Сычжэ был немало удивлён. После окончания съёмок «Красного мужчины, красной женщины» Цао Сююань упоминал о подаче заявки на «Золотую статуэтку». Но поскольку фильм так и не вышел в прокат, Лян Сычжэ решил, что эта идея осталась нереализованной. Он не ожидал, что Цао Сююань всё же решится на это.

Последние полгода он был на съёмках за границей и мало следил за новостями в Китае. Коллеги по съёмочной площадке, вероятно, учитывая его отношения с Цао Сююанем, старались не поднимать эту тему в его присутствии. Поэтому только в середине апреля, когда съёмки закончились и Лян Сычжэ прилетел в Гонконг на церемонию вручения «Золотой статуэтки», он обнаружил, что в китайском шоу-бизнесе всё перевернулось с ног на голову. К этому моменту прошел уже целый месяц с тех пор, как Чжан Минхань обвинил Цао Сююаня в домогательствах. Под пристальным вниманием общественности полиция начала расследование, но возможно из-за того, что прошло четыре года и многие ключевые доказательства отсутствовали, результаты расследования всё ещё не были опубликованы.

Узнав об этом, Лян Сычжэ немедленно просмотрел новости за последний месяц, но, помимо нескольких заявлений Чжан Минханя о том, что он будет доводить дело до конца, существенной информации было мало. Цао Сююань же вообще никак не комментировал ситуацию. Цао Сююань и Чжэн Инь прибыли в Гонконг только в день церемонии. Они сразу же отправились в отель, чтобы немного отдохнуть, не планируя участвовать в проходе по красной дорожке.

Лян Сычжэ сидел на диване в своем номере, читая новости на планшете, когда Суй Юньчу постучала в его дверь:

— Режиссёр Цао и продюсер Чжэн приехали, они отдыхают в номере 1305. Хочешь навестить их?

— Да, я сейчас пойду, — ответил Лян Сычжэ, отложил планшет и вышел из номера.

По дороге он продолжал думать о ситуации с Чжан Минханем. Он ни за что не поверил бы, что Цао Сююань способен на домогательства. Он работал с ним над двумя фильмами, съёмки которых заняли много времени. В общей сложности, с учётом работы на площадке и вне её, они общались почти четыре года. За это время Цао Сююань никогда не вёл себя неподобающе, а все физические контакты были связаны с обычным режиссёрским руководством. Лян Сычжэ заметил, что в своем интервью Чжан Минхань намеренно пытался создать впечатление, будто между ним и Цао Сююанем тоже были некие недопустимые отношения.

«Смешно», — подумал Лян Сычжэ. Уже одно это убеждало его в том, что слова Чжан Минханя — клевета. «Но... видел ли эти новости Цао Е? Поверил ли он обвинениям Чжан Минханя? Когда отца, которым ты всегда восхищался, хоть и на расстоянии, вдруг обвиняют в домогательствах к несовершеннолетнему, это должно быть очень тяжело. Надеюсь, он не поверил этой лжи».

Дойдя до нужного номера, Лян Сычжэ постучал в дверь. Дверь открыл Чжэн Инь. Он жил в одном номере с Цао Сююанем, и, похоже, они что-то обсуждали в гостиной. Судя по недовольному выражению лица Чжэн Иня, разговор был неприятным. Он всегда хорошо контролировал свои эмоции, но сейчас, внезапно став серьёзным, казался совсем другим человеком.

— Сычжэ пришел, — сказал Чжэн Инь, смягчив тон. — Проходи в гостиную.

Цао Сююань же выглядел спокойно. Он предложил Лян Сычжэ сесть напротив, коротко расспросил его о текущих съёмках, похвалил его за выбор фильма «Ветер перемен», сказав, что сейчас самое подходящее время для выхода на широкую публику. Он посоветовал ему чаще браться за качественные коммерческие проекты, потому что, снимаясь только в артхаусном кино легко попасть в тупик. Важно расширять свой кругозор и пробовать себя в разных жанрах. Лян Сычжэ соглашался со всем. Вне съёмок они с Цао Сююанем встречались редко, но каждый раз режиссёр давал ему ценные советы. После непродолжительной беседы, сказав всё, что хотел, Цао Сююань, казалось, потерял интерес к дальнейшему разговору.

Обычно Чжэн Инь поддерживал разговор, но сегодня он почти не говорил, всё время печатая что-то в телефоне, словно отправляя сообщения. Ни учитель, ни ученик не были любителями пустой болтовни, поэтому Лян Сычжэ решил уйти. Он уже собирался попрощаться, когда молчавший до этого Чжэн Инь поднял голову и сказал:

— Договорились. Десять миллионов.

Цао Сююань сначала промолчал, затем взял сигарету, закурил и, усмехнувшись, произнес:

— Я не дам ему ни копейки.

— Не зарекайся, — спокойно ответил Чжэн Инь. — Тебе придётся заплатить за это.

Цао Сююань отвернулся, затягиваясь сигаретой, и махнул рукой, разгоняя дым.

— Сычжэ, выйди, пожалуйста.

Лян Сычжэ кивнул и вышел из номера. Закрывая дверь, он услышал, как Чжэн Инь сказал:

— Я сейчас пойду в банк.

— Я же сказал тебе не вмешиваться, — с раздражением ответил Цао Сююань. — Если ты посмеешь дать ему эти деньги, в будущем ты больше не должен следовать за мной.

Лян Сычжэ закрыл дверь. В номере была хорошая звукоизоляция, и, как только дверь

захлопнулась, все звуки исчезли. «Десять миллионов? Это для Чжан Минханя? И что Чжэн Инь имел в виду под «заплатить за это»? Неужели Цао-лаоши действительно помогался Чжан Минханя? — Лян Сычжэ покачал головой. — Нет, Цао-лаоши не такой человек. И судя по его тону, он не считает, что сделал что-то не так».

Вечерняя церемония награждения была очень напряженной. «Красный мужчина, красная женщина», несмотря на большие ожидания, потерпел фиаско, получив приз только за лучшую работу оператора. Возвращаясь в отель, Лян Сычжэ ехал в одном микроавтобусе с Цао Сююанем и Чжэн Инем. Перед тем как закрыть дверь, репортёры попытались просунуть микрофоны внутрь:

— Лян Сычжэ, что вы сейчас чувствуете, учитывая, что были главным претендентом на звание лучшего актёра?

Лян Сычжэ промолчал, а сидевший рядом Цао Сююань холодно ответил:

— А что он должен чувствовать? Пусть меньше снимается и подольше живёт — ещё получит своего лучшего актёра, — с этими словами он захлопнул дверь, оставив журналистов снаружи.

Чжэн Инь несколько раз порывался что-то сказать, но Цао Сююань резко оборвал его:

— Если хочешь что-то сказать, говори быстрее.

— Не мне тебя учить, — сдержанно произнес Чжэн Инь, — но тебе нужно быть осторожнее в разговорах с журналистами. Чжу Цинъюнь — почтенный человек за 90, а ты, как младший, не должен так говорить. СМИ опять все перекрутят.

— Девяностолетний актер играет девяностолетнего старика — в чём тут вызов? Вот то, что он получил награду за лучшую мужскую роль, — это действительно смешно.

— Тебе уже за сорок, пора бы перестать быть таким своевольным, — начал Чжэн Инь. — Когда ты подавал заявку на «Золотую статуэтку», я же тебе все объяснил. В этом году участвует и господин Чжу. С таким небольшим опытом, как у Сычжэ, каким бы хорошим ни было его исполнение, комитет не дал бы ему награду. То же самое и с лучшим фильмом. Ты участвовал в конкурсе без прокатного удостоверения, у комитета должна была быть недюжинная смелость, чтобы дать тебе награду. Тебя допустили к участию — это уже большая честь. Но ты не послушал, настоял на своем. И что теперь? Ближайшие пять лет ты не сможешь работать в материковом Китае...

— Хватит уже, — нетерпеливо прервал его Цао Сююань. — Церемония награждения уже закончилась, какой смысл сейчас об этом говорить?

— Награды наградами, а дело Чжан Минханя ещё не закрыто. Он так старался, сыграл

второстепенную роль в твоём фильме, больше года ждал, надеялся, что этот фильм поможет ему подняться. А ты со своей заявкой на конкурс... Теперь фильм не выйдет в прокат в ближайшие пять лет... Ты хотел помочь Сычжэ получить награду, но из-за этого Чжан Минхань потерял больше года работы. Как ты думаешь, он доволен?

— Даже если бы этот фильм вышел, это не гарантировало бы ему успех.

— Успех или нет — это его дело. А вот ответственность за выход фильма в прокат лежит на тебе. Я считаю, тебе стоит заплатить десять миллионов и закрыть этот вопрос. Чжан Минхань так себя ведет, потому что уверен, что ты ничего не сможешь с ним сделать, раз ближайшие пять лет тебе закрыта дорога в Китай. Я ещё, когда он менял свой возраст, понял, что он нечист на руку, и предупреждал тебя, чтобы ты был осторожен...

— Ладно, — Цао Сююань закрыл глаза. — Я же сказал тебе не вмешиваться. Если хочешь продолжить этот разговор, выходи из машины.

— Хорошо, тогда я выхожу.

Машина остановилась на светофоре. Чжэн Инь решительно открыл дверь и вышел. В этот момент загорелся зеленый свет, раздался хор сигналов. Лян Сычжэ посмотрел в окно на Чжэн Иня, который быстрым шагом пересек дорогу.

Вернувшись в свой номер, когда Лян Сычжэ уже собирался ложиться спать, в дверь постучали. За дверью раздался голос Чжэн Иня:

— Сычжэ, это я.

Лян Сычжэ открыл дверь:

— Дядя Инь.

Чжэн Инь снова выглядел спокойным и доброжелательным:

— Сычжэ, не принимай близко к сердцу то, что ты сегодня услышал. Не нужно строить догадки и, главное, не распространяйся об этом.

— Я никому не расскажу, — ответил Лян Сычжэ, но, слегка нахмурившись, все же озвучил свои опасения. — Но Цао-лаоши...

— Неужели ты думаешь, что он способен на домогательства? — Чжэн Инь усмехнулся с некоторым презрением.

— Я так не думаю, — сказал Лян Сычжэ. Хотя он с самого начала верил, что Цао Сююань не мог совершить ничего подобного, слова Чжэн Иня принесли ему облегчение.

На следующий день они вылетели обратно в Китай. Чжэн Инь заранее организовал встречу с охраной в аэропорту. Как только они вышли из VIP-зала, их окружили репортёры, пытаясь прорваться через охрану и подсунуть микрофоны к Цао Сююаню:

— Ваше участие в конкурсе, несмотря на нарушение правил, было связано с обещанием, данным Лян Сычжэ о получении награды за лучшую мужскую роль?

— Семья господина Чжу Цинъюня требует от вас публичных извинений. Вы собираетесь извиняться?

— Ваше молчание по поводу обвинений в домогательствах связано с тем, что вы боитесь признать свою вину?

— Что вы планируете делать, учитывая пятилетний запрет на съёмки?

Цао Сююань не отвечал журналистам и молча шёл к лифту. Когда двери лифта уже закрывались, один из репортеров крикнул:

— Чжан Минхань сегодня утром опубликовал скриншоты SMS-сообщений четырехлетней давности. Скажите, это правда?

Цао Сююань посмотрел на журналиста:

— Каких SMS-сообщений?

Репортер попытался протиснуться в лифт, но был остановлен охраной. Двери закрылись. Цао Сююань сказал Чжэн Иню:

— Разберись, о каких сообщениях они говорят.

Чжэн Инь начал что-то искать в телефоне и затем показал результат Цао Сююаню. Тот посмотрел на экран, никак не отреагировав, и вернул телефон Чжэн Иню. Лян Сычжэ сел в машину, присланную компанией. Ассистент тут же нашел новость, о которой говорили репортеры, и показал ее Лян Сычжэ:

— Это правда? — зная об уважении Лян Сычжэ к Цао Сююаню, ассистент осторожно добавил:

— Подделать SMS довольно легко...

Лян Сычжэ взял телефон и посмотрел на скриншот сообщения, предоставленный Чжан Минханем: «Приезжай в отель Janis, номер 2208, в 11 вечера». Отправителем значился «Режиссёр Цао», сообщение было отправлено пять лет назад в октябре, как раз когда Чжан Минхань впервые снимался у Цао Сююаня. В комментариях кто-то заметил, что отель Janis принадлежит брату Цао Сююаня, поэтому неудивительно, что Чжан Минхань не может предоставить весомых доказательств. Ниже были ссылки на две другие новости:

«Красный мужчина, красная женщина» провалился в прокате, Лян Сычжэ упустил награду за лучшую мужскую роль»

«91-летний актер Чжу Цинъюнь получил награду за лучшую мужскую роль. Цао Сююань заявил, что это только потому, что тот «долго жил»».

Лян Сычжэ вернул телефон ассистенту и закрыл глаза, пытаясь отдохнуть, но мысли об этой ситуации не давали ему покоя. «Неужели это сообщение настоящее? Этот прямолинейный тон действительно был похож на Цао Сююаня, но он не имел привычки вызывать актёров к себе в номер для обсуждения роли. Если это сообщение настоящее, то зачем Цао Сююаню понадобилось встречаться с Чжан Минханем так поздно в отеле?»

Лян Сычжэ вспомнил разговор Цао Сююаня и Чжэн Иня в номере в день церемонии награждения. Похоже, они договорились с Чжан Минханем о выплате десяти миллионов за молчание, но Цао Сююань отверг это предложение. Внезапно его осенила мысль: слова Чжэн Иня о том, что Цао Сююань не способен на домогательства, скорее всего, правда. Но что, если... между Цао Сююанем и Чжан Минханем действительно что-то произошло?

В конце мая Цао Е вернулся в страну вместе с Ли Ю. У неё была последняя стадия лимфомы, и последний год она провела в больнице, проходя лечение. Месяц назад она вдруг захотела вернуться домой. Перелёт из Америки занимал более десяти часов, и врачи советовали ей оставаться в больнице, но Ли Ю была непреклонна и быстро оформила выписку с помощью друзей. Все документы об отказе от ответственности в больнице и аэропорту подписывал Цао Е. Он пробежал глазами лишь несколько строк и не смог читать дальше. Во всех документах говорилось об одном: если с Ли Ю что-то случится в дороге, ни больница, ни авиакомпания не несут ответственности за это.

Подписывая документы, Цао Е старательно выводил своё имя. Он понимал, что Ли Ю может умереть в любой момент, и это осознание наполняло его бессилием и отчаянием. Но он изо всех сил старался сдерживаться, не показывая Ли Ю своего отчаяния.

После возвращения Ли Ю в страну, его дедушка, Ли Сяньда, сразу же организовал ей госпитализацию и нанял сиделку. Несколько дней она провела в местной больнице. У Ли Сяньда был еще сын, военный. После развода с первой женой Ли Сяньда женился на женщине почти на двадцать лет младше его и в довольно позднем возрасте стал отцом Ли Ю. Ему было уже почти сорок, когда она родилась, а сейчас ему было за восемьдесят. В силу возраста он не

мог проводить много времени в больнице, поэтому большую часть времени у постели Ли Ю дежурили Цао Е и её парень.

После церемонии награждения Чжан Минхань начал публиковать доказательства своих обвинений, и в обществе поползли разные слухи, но Цао Е намеренно игнорировал их.

Он хотел лишь одного — чтобы Ли Ю спокойно дожила свои последние дни и больше не имела никаких дел с Цао Сююанем. Что касается Цао Сююаня, то неважно, спал ли он с Чжэн Инем или домогался Чжан Минханя, — это не имело никакого отношения к ним двоим.

На второй день после возвращения Цао Е съездил к бабушке за едой и привез ее в больницу к Ли Ю. Но, войдя в палату, он обнаружил, что ее там нет. Сиделка, которая убирала постель, сказала, что Ли Ю куда-то ушла. Цао Е поставил контейнеры с едой на тумбочку и, облокотившись на стол, начал листать старый фотоальбом, который он привез из дома бабушки. Там были фотографии молодой Ли Ю — яркой и красивой, в самом расцвете своей молодости. Цао Е просмотрел весь альбом, но Ли Ю так и не вернулась. Он позвонил ей, и она быстро ответила. На фоне играла западная музыка. Ли Ю сказала, что встретила с другом и скоро вернется.

— Мама читала эту газету? — Цао Е взял стопку газет и спросил у сиделки, которая убирала в палате.

— Да, — сиделка улыбнулась. — У Ли Ю устают глаза от экрана, поэтому я купила ей газеты в киоске внизу, чтобы ей не было скучно.

Цао Е ничего не сказал и, опустив взгляд, пробежался по содержанию газеты. Чжан Минхань опубликовал новые доказательства — фотографию, сделанную четыре года назад на съёмочной площадке. На ней он был обнажен, прикрытый лишь полотенцем; нижняя часть тела была зацензурана. Цао Сююань, положив руку ему на талию, наклонился и что-то говорил.

Один из сотрудников съёмочной группы, работавший тогда в отделе реквизита, также выступил в поддержку Чжан Минханя, заявив, что его заставляли сниматься в откровенных сценах, которые в итоге были вырезаны из фильма, оставив лишь несколько кадров. Было неясно, сделал ли это Цао Сююань намеренно. Отвратительно. Цао Е почувствовал тошноту. Он вспомнил тот день, когда стоял за дверью и слышал, как Чжэн Инь назвал Цао Сююаня «брат», представил их тела, сплетённые друг с другом, а затем на месте Чжэн Иня увидел Чжан Минханя. Цао Е крепко зажмурился, пытаясь отогнать эти образы. Он открыл глаза и, глядя на статью, подумал: «Что почувствует Ли Ю, когда увидит это? Ей станет ещё хуже». Ему нужно было убедить Ли Ю поскорее вернуться в Америку, подальше от этих отвратительных событий. Но перелёт длится более десяти часов, выдержит ли она?

— Больше не покупайте ей газеты, — сказал Цао Е сиделке. — Если она захочет почитать, скажите мне, я куплю.

— Хорошо, — осторожно ответила сиделка, заметив, что он неважно выглядит.

Цао Е достал телефон, собираясь позвонить парню Ли Ю и узнать, как у нее дела, когда телефон завибрировал. Увидев незнакомый номер, он сбросил вызов. Но номер тут же перезвонил. На этот раз Цао Е ответил. На другом конце прозвучал голос:

— Цао Е, это Чжан Минхань. Ты вернулся, да?

— Что тебе нужно? — холодно спросил Цао Е. Даже если Чжан Минхань был жертвой в этой истории, он не мог ему сочувствовать. Все, что было связано с Цао Сююанем, вызывало у него отвращение.

— Я хочу с тобой встретиться, — сказал Чжан Минхань. — Цао Е, я думаю, ты не должен оставаться в неведении. Я расскажу тебе много такого, чего ты не знаешь.

— Что именно?

— Например, ты никогда не задумывался, какие отношения связывают твоего отца и Чжэн Иня?

— Я не хочу этого знать, — ответил Цао Е и повесил трубку.

Звонок Чжан Минханя сильно расстроил его. Цао Е уже собирался выключить телефон, когда тот снова завибрировал. На экране появилось уведомление о новом голосовом сообщении от Чжан Минханя. Цао Е долго смотрел на сообщение. Затем он поднял палец, чтобы удалить его, но рука дрожала. Неожиданно для себя он нажал на кнопку воспроизведения. Раздался голос Цао Сююаня:

— Иди сюда, — затем, похоже, он усмехнулся. — Чего ты боишься? Разве мы этого раньше не делали?

Потом послышался тихий, испуганный голос Чжан Минханя:

— Больно... Цао-лаоши, подождите... Не надо...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130299>